

<Е. В. ТАРЛЕ?>

<Рец. на кн.:> **С. Булгаков. Очерки по истории экономических учений. Выпуск I**

Издание автора. М., 1913. Цена 1 р. 50 к.

Во введении мы читаем предупреждение автора от «опасности дилетантизма, который подстерегает каждого из нас в особенности в молодые годы и который, надо сказать откровенно, представляет собою как бы какое-то проклятие, тяготеющее над русским обществом: да сохранит вас судьба от этого несчастья!» (с. 1). «Вас» — т. е. слушателей Московского коммерческого института, к которым обращается автор. Увы! Это «несчастье» коварно «подстерегло» самого г-на С. Булгакова, и не ушел он от «проклятья, тяготеющего» над ним уже очень давно, с тех самых пор, как он стал думать, что пописывать проникновенные заметки о популярных новинках немецкой теологической литературы значит быть религиозным мыслителем, а разглагольствовать о «райском хозяйстве» значит создавать не курьезнейшую мешанину экономических и церковных терминов, но величественное здание гармонического соединения двух начал: *studia divina* и *studia humana*¹. Нельзя безнаказанно целый ряд лет выступать в роли безнадежно-самоуверенного (несмотря на всю видимость смиренномудрого «искательства») дилетанта, — и не засушить свою мысль, не обесплодить в значительной степени своей духовной индивидуальности. Редкая книга дает такое нудное, прямо тягостное впечатление, как эта. Начать со слога. Этот нестерпимый, «бурмицкий»² (как говорил Щедрин) проникновенно-елейный стиль, эти готовые, трафаретные газетно-патетические фразы — чего уже это одно стоит! Г-н Булгаков *не может* сказать просто: «Шопенгауэр», а непременно: «франкфуртский мудрец» (с. 7), подобно тому как некоторые газетчики *не могут* сказать «чума», а *должны* сказать

«азиатская гостья» (давно кем-то отмечено), *не могут* сказать «пьеса была поставлена», но *должны* выразиться так: «увидела свет рампы», и т. п. Разве не пустопорожний стереотип такие, например, фразы: «Наше время с особенною напряженностью всматривается в будущее, стремясь разглядеть, что лежит за далями исторического горизонта; оно ничему, кажется, не предается с более страстным интересом, как разглядыванию своего будущего» и т. д. Как не почувствовать, что не пишешь, а отписываешься!

От чего же отписывается автор? Он сам это нам сообщает в предисловии: нужно «удовлетворить потребности слушателей в печатном руководстве взамен существующего литографированного». Пред экзаменами и не такое еще прочтут — и не заметят, тут не до стиля! Но главная беда в том, что в смысле содержания трудно себе представить более выхолощенное «руководство», нежели эта худосочная небольшая книжка. Автор начинает с еврейских пророков и кончает Реформацией, говоря о Платоне, Аристотеле, экономической мысли у римлян, раннем христианстве, Средних веках, Ренессансе. Собственного плана у автора нет никакого, и он просто излагает вкратце те книги, которые ему почему-либо полюбились; у него замечается также стремление изредка (и ни с того, ни с сего) цитировать первоисточники, причем все эти цитаты тоже оказываются в большей или меньшей мере известными и много раз использованными в литературе. Но, конечно, и следов самостоятельного изучения, самостоятельного размышления здесь нет. Возьмете ли вы популярную брошюрку социалистическую или популярную брошюрку «буржуазную», — если только она трактует об истории экономических идей, — все равно встретите там те же факты, так же смеленные воедино, с теми же делениями на периоды, — что и в книжке г. Булгакова. Сравнительно с нею беспретенциозные очерки М. И. Туган-Барановского кажутся верхом критического глубокомыслия, даже старая книга покойного А. И. Чупрова — верхом свежести и научной новизны.

Изредка, впрочем, автор роняет афоризмы собственного производства, но, «к сожалению или к счастью», ни в малейшей степени не связанные с остальным. Вернее, «к счастью», ибо эти афоризмы слишком уж наивны. Например: «В известном смысле можно сказать, что фундамент европейской культуры заложен трудом аскетов». (Речь идет об аскетизме как о стимуле труда, «с которым, конечно, не может сравниться никакой другой, ни принуждение, ни личный интерес, ни профессиональный долг».) Или, например, другое самостоятельное от-

крытие г. Булгакова: «Новейший социализм можно рассматривать лишь как разновидность гуманизма, как частное его приложение или перевод на язык политической экономии его общих учений». Трудно представить себе всю безнадежную путаницу понятий, какая должна быть налицо, чтобы породить подобную фразу и, как ни в чем не бывало, проследовать дальше. Ведь если есть что-либо в корне индивидуалистическое, так именно гуманизм! Но г. Булгакову, вообще говоря, гуманизм очень не нравится, и социализм тут пристегнут более для того, чтобы укорить гуманизм. А почему ему не нравится гуманизм? Вот почему: он «связан с растущим религиозным индифферентизмом, а позднее и с враждою к религии...». Кроме того, гуманизм отрицательно повлиял на Адама и Еву: «Если у Адама и Евы после грехопадения открылись глаза на свою наготу и они ощутили потребность в одежде, в охране нравственного закона, постоянном самоконтроле, то в гуманизме, напротив, как будто снова закрываются их глаза» (с. 191).

Натолкнешься на два-три таких местечка и подумаешь: нет уж, лучше пусть слушатели Московского коммерческого института знакомятся с трафаретом, наполняющим всю книжку, нежели угощать их подобным глубокомыслием. Если что-либо может отбить охоту к истории экономических идей и интерес к вопросам веры и христианской этики, то именно подобная мешанина учебничного шаблона с набожными, но имеющими карикатурный вид вставочками.

На обложке читаем: *издание автора*. Это издание отличается, к сожалению, дороговизною: полтора рубля за худосочный «выпуск» в 230 страничек — это гораздо выше обыкновенных цен. Для издания, «имеющего задачей удовлетворить потребности слушателей в печатном руководстве», цена оказывается чрезмерною.

